

1. "вечерует. И пахнет соснами
 Опаленный зноем покой.
 Амелем рощ и лугами покосившим
 Беет сумрак над тихой рекой.

Сень прохлады эфиром облуждающим
 Воскрешает дыханье земли,
 И природы хорал несомлакающий
 Эхом дня замирает вдали.

И в глубоком раздумьи, наваянном
 Вековой безвозвратностью дней,
 Ты выходишь на берег, усеянный
 Мириадами чудных огней.

Беспричинной печалью наполненный,
 Смотришь ты на уснувшую гладь:
 Как бы в этой симфонии огненной
 След разумных начал разгадать!

В глубине вечных тайн мироздания
 Погребен трезвый смысл бытия,
 И в стремлении к вершинам познания
 Бог один лишь нам всем судия.

Пред величием пространства и личности
 вновь склонится пророка глава
 Низость зла и добро человечности—
 Суть одних измерений слова.

Мудрых истин источник сомнительный
 Увлекает дераающий ум,
 Дав взаи и лишь поток нерешительных,
 Беспокойных и тягостных дум.

Груда дел, чепухи неотложной
 Наполняет заботой досуг,
 И жонглируя истиной ложной,
 Бертят жизнь заколдованный круг.

В этом хаосе дум и свершений
 Видно прав лишь глупец да поэт,—
 в днях подъема, в величьи крушений
 Вечен мир светом свет.

Догорает в волшебном сиянии
 Золотая корона зари.
 Млечный путь — древний храм покаяния
 Зажигает своим алтарем.

Опускается ночь синеватая
 На пушистые косы ветвей
 И нисходит безмолвие глубокое
 в ирреальное царство теней.

И, баюкая даль беспредельную
 Невесомым аккордом волны,
 Наневает ей ночь колыбельную,
 Схраняя воздушные сны..."

Попробуем изложить мысли, изложенные в отчеркнутых шести четверостишиях, читая сверху и более систематически. Получается следующее:

1/ Во Вселенной есть "разумное" начало, "трезвый смысл бытия"/т.е. смысл мира, однако разгадать его трудно, практически невозможно—он погребен. А знает смысл мира, видимо, только один бог — и только он один может скрывать насколько сильно мы заблуждаемся.

- 2/ Любой пророк потерпит поражение, отыскивая смысл мира, ибо все относительно, и даже зло и добро для Вселенной - одно и то же /"одного измерения слова"
- 3/ Человеческий ум, дерзающий познавать объективный мир, в конце концов обанывається неким "сомнительным источником/якобы/ мудрых истин" /возможно, пороком, и приходит к нерешительности и тлостным думам.
- 4/ Жизненные заботы есть чепуха, заполняющая человеческое время, чепуха с точки зрения смысла мира. И вообще жизнь вертит людьми во имя ложной истины
- 5/ Прав только глупец и поэт /гений/. А вообще мир - это всегда суета сует.

Таков прозаический перевод-построчник. Если же изложение сделать более ясным, то получится следующее: В мире все относительно и непонятно. Однако, человеку, чтобы действовать, необходимо знать "смысл мира", т.е. абсолютно истинное знание о нем, ибо только такое абсолютно верное и полное знание может дать человеку по-настоящему верную путеводную нить. И только. Смысл мира запрятан очень глубоко, так что доступен одному богу, если он существует, скорее всего - никому. Эта невозможность познать смысл мира приводит к относительности добра и зла и к бессмысленности всех действий человека, ибо совершенно неизвестно к добру или злу приведет любое конкретное действие. В этой ситуации, полной неизвестности, правы только две категории людей - дураки, которые, естественно, ни о чем не задумываются и поэтому не действуют во имя любых ложных целей, и поэты, т.е. гении, которым задумываться не просто ни к чему, ибо они получают откровения об истинном смысле бытия посредственно сверху, возможно - от бога. Видимо, существует третья категория людей - неправых. Видимо, это люди, которые задумываются о жизни и воображают себе, что их мысли в высшей степени о мире имеют какую-то объективную ценность, вернее - истинность, и, кроме того, пытаются действовать согласно своим слям, а на самом деле - во имя ложной понятии истины. Видимо, эта третья категория людей - дерзающих, мыслящих и свершающих - наиболее антипатична автору, поскольку она наиболее многочисленна и определяет весь человеческий мир вечен мир суетой сует"/

Грубо говоря - это мировоззрение человека, который когда-то в юности не принял глубоко материализм и не преодолел естественную начальную религиозность, которая сегодня не нашла нормальный выход в активной религии, перешла в скептицизм по отношению к возможности внешнего объективного знания у тех людей вообще, а у себя - в частности.

О религиозности здесь можно говорить заключить по следующим признакам: Глубокое убеждение в существовании "смысла всего бытия", абсолютной истины в последней инстанции, абсолютной вершины познания - есть основа для веры в бога. Эта аксиома отвергает привычное всем нам утверждение о существовании относительной, вернее, неполной, но тем не менее - объективной истины, позволяющей людям действовать - пусть без абсолютной гарантии на успех и справедливость. Дело осложняется тем, что речь идет в основном, но о научных истинах, способных полно или неполно отражать реальный мир, а, главным образом, о моральных истинах, о справедливости. Ведь известно, что моральные истины не только неполны, но и относительны, что они зависят от того, к кому и как относятся. Одно и то же действие может быть и злом и добром одновременно у разных людей, разных народов или человечества в различные периоды. И, конечно, если не выбрать какую-то одну базу определения истинности /или справедливости/ моральных истин, а постоянно рассматривать историю и действительность с разных и даже противоположных точек отсчета, то все человеческие дела предстанут перед нами грудой дел чепуховых, "суетой сует".

Автор не желает принимать ни одну из оценочных баз - ни народ/патриотизм/ класс/марксизм/, ни все человечество в целом /классический гуманизм/. Он способен принять за базу только весь мир - живой и мертвой. Конечно, такой общей моральной базой в мире может быть только бог.

Кроме того, убежденно в существовании поэтов/гениев/, способных быть прикровенно правыми, т.е. получать божественное откровение сверху - того базиса, лежащего на врожденном и не преодоленном признании бога.

Но религиозность религиозности рознь. Есть развитая религиозность,

которая человека поддерживает в его вере, в его действиях, в его убеждениях и моральных нормах как высших, божеских, т.е. высших и справедливых для всей Вселенной и всех времен. Такая религиозность может делать человека подвижниками и героями, танатиками дела и веры.

А есть религиозность, которая только убеждает в тщете любых усилий, призывает спасти свои души от участия в "грязной политике" — то ли путем ухода от мира, отказа от познания мира и активной в нем жизни — готовит человека к концу, к смерти. И, видимо, именно такого рода религиозность свойственна автору. Это же можно заключить и из его враждебности к людям, пытающимся "познавать и дерзать".

Есть ли альтернатива этой религиозности второго сорта, этому скепсису, при действительном желании разобраться в мире? — Конечно. Материализм, например, предлагает следующее: в мире нет какого-либо смысла, абсолютной истины, и, след., — нет бога. Человечество ведет осмысленную деятельность, направленную на сохранение своего существования. Смысл жизни каждого человека — это жить самому и посвящать свою жизнь человеческому благу/человечеству в целом/. Поэтому человек должен расценивать все явления — хорошие они или плохи — с точки зрения человечества, народа, класса, коллектива, семьи и, наконец, самого себя, где человечество — главное звено.

Каждый человек был рожден и воспитан к жизни для человечества народа... семьи, себя. И он обязан выполнить возложенную на него задачу, чтобы остаться человеком, а не пустоцветом...

11

Отшумело ветрами мятежными
Голубое величье дорог —
Словно юность путем заснежными
Завершила лазурный пролог.

Словно все, что мечталось и нелось
В светлокудрые вековые дни,
Раввенчала разумная зрелость,
Погасив пылающие голубые огни.

Голубые огни одержимых,
Безрассудной извечной мечтой,
От довольства и него горимых
Нареченной им свято судьбой!

Путевые огни вдохновения,
Вечных поисков, светлых надежд,
Беззаветного сердца горенье
Средь толпы равнодушных новежд!

Лишь о вас в серый день непогоды
Затоскует невольню душа,
Когда жизнь заметает порошей
Голубые огни неспеша.

Как бы вас охранить в непогоду
От засилья бездарных судей,
Пронести через долгие годы
Вдохновенный тот жакел огней?

В них вся жизнь, в них душа человека,
Одинокого в мире своем,
Что повсюду от века до века
Средь толпы слыл всегда чудаком.

В них — движенье миров и созвездий,
В них — знаменье грядущих путей,
Предрешенность побед и возмездий
Поколеньям разумных людей.

Так светитесь ж над бездной счастливых
Обладателей теплых углов
Голубые огни одержимых
Голубые огни чудаков!

Этот отрывок может показаться прямой противоположностью первому. На деле это не так. Здесь воспевается не просто мятежные люди, ищущие истину мира, но скорее — поэты, занятые поисками всеобщего смысла мира, и "чудаки", обладающие этим волшебным ключом. Они противопоставляются толпам обычных людей, бездарных и равнодушных, ослепленных ложными истинами. Это воспевание вдохновения чудаков-поэтов, которое только одно в мире способно предсказывать "грядущие пути для поколений разумных людей". Кажется, что здесь прославляется порыв, активная, мятежная религиозность — прославляется в шку "разумным" людям. Но прославляется половинчато: как бы автор прошел уже через этот этап мятежной юности, через голубые огни одержимой поэтичности и вдохновения от бога, но теперь эти голубые огни гаснут, покидают его в сером течении будней: "развенчала разумная зрелость, погасив голубые огни". Сам автор уже не владеет этими голубыми огнями, а может только нежно вспоминать их или им умиляться со стороны. Вину же за это "погашение огней" вдохновения он возлагает все на тот же разум "Разумная зрелость" и "жизнь" / и их носителей — на бездарных судей и равнодушные толпы, которые убивают вдохновение автора.

На самом деле — процессе исчезновения вдохновения у поэта или художника может быть только закономерным итогом его собственного равнодушия к миру. Никакая бездарность судей и равнодушные публикации, нищета и материальные условия и непризнание не могут отнять вдохновение, хотя весьма способны утяжелить жизнь и не дать физических возможностей для его выражения. Видимо, еще раньше, в дни поэтической юности, среди многих плодов вдохновения, автор не успел получить ни сверху самое главное — абсолютные критерии добра и зла / среди большого количества другой информации с грядущих путей человечества, предпринятых победах и возмездиях, движениях миров и созвездий и пр. и пр. /, вследствие чего автор считал невозможным любое действие на пользу мира или добра — даже поэтическое /ведь поэзия — это тоже оружие/. Но ввиду принципиального отсутствия содержания столь же принципиально должна отсутствовать и форма, т.е. само поэтическое творчество, что и наблюдается у автора на деле. Всеобщая шпши неуверенность естественно приводит к невозможности что-либо сказать миру смело, уверенно, заинтересованно, поэтически, приводит к творческой бесплодности. Это азбука

В конечном итоге — весь вышеприведенный отрывок — только поэтическое выражение равнодушия автора к миру обычных людей /разумных/, выражение отсутствия в нем инстинктивной любви к миру и людям, той самой любви, которая составляет моральную основу не только у любого настоящего поэта, но и у любого человека. И видимо, кроме равнодушия автору уже нечего больше сказать — дело сделано, можно закрывать лавочку.

III.

Свободный мир, покой полный,
Прият лъзурной тишины,
Свой задумчивые волны
Несешь с порога старины.

Ты помнишь древности далекой
Великую суровость дней
И злой борьбы итог жестокий
Рожденный волею людей.

Проходит годы, гаснут страсти,
К заре восходит новый тысячелетие —
Пора свободы, мира, счастья —
И не спокоен человек!

Страхась гармонии ревниво,
Круша понятия ложный барьер,
Бежит от счастья торопливо
Навергнуть мир "свободный класс".

301

Свободу поиском свободы
 Заменит раб слепой судьбы
 И вновь свобода для народа
 Предстанет символом борьбы

И вновь в болезненном экстазе
 Под лязг и стон секир и плах,
 В священном фатума наказе
 Стихия утверждает крах.

Смятенье духа, буйство плоти,
 Кошмар похищенного сна...
 Все ж хорошо сидеть в болоте,
 Где цель предельно так ясна!

Если первый отрывок продемонстрировал как бы общеполитические взгляды автора /"антидиамат"/, второй отрывок - выразил идеалы автора /"анти-научный коммунизм"/, то последний отрывок касается прямо истории и политики /"анти"истмат"/. И на удивление, в своей реакционности заходит много дальше общей пассивности первых.

В прозаическом переводе этот отрывок звучит так: "В старину люди жесток и зла боролись, но итог этой борьбы был неутешительным - войны и разорение. Сейчас, когда прошли годы и погасли страсти, все налаживается и ... наконец, "восходит новый гниль век - пора свободы, мира, счастья"... но, оказывается к этому есть препятствие. Всё упирается в извечное неспокойство человека.

Некий "свободный класс" людей/видимо, приверженцы свободы/ боится уже создаваемой и будущей гармонии общества. Они, критикуя "ложный царь понятий" / а все понятия -относительны в принципе/, на деле отказываются от счастья своего и будущего и начинают низвергать существующий мир. Эти "рабы слепой судьбы"/или фатума/ пытаются заменить существующую свободу -поиском свобод- ду и борьбой за неё. Можно только догадываться о какой существующей свободе говорит автор, но видимо, он имеет ввиду свободу туризма на природе:

"Свободный мир, покой полный,
 Приют лазурной тишины,
 Свои задумчивые волны
 Несешь с порога старинь."

Результатом этой борьбы за свободу будут мятежи, революции, гражданские войны и прочие ужасы -"лязг и стон секир и плах", чтобы "стихия утвердила крах".

Заканчивается же весь этот накал ужасов от происков злокозненных представителей "свободного класса" знаменательным призывом: "Все ж хорошо сидеть в болоте, где цель предельно так ясна!"

Автор пришел весьма закономерно и логично к своему естественному концу: отрицание силы разума и морали, проповедь поэтической исключительности и своего права на равнодушие к людям, вплоть до прямого выступления против людей, борющихся за свободу - все это приводит к прославлению туркестанского болота, как единственно стоящего "свободного мира"!

Наслаждаться "свободой" этого болота мы и оставим нашего автора, оговорив за собой право на слабую надежду, что когда-нибудь поэтический бог все же вытащит его оттуда.

Июль 1969г.